

них из высказываний де Сталь. Помимо того, многие из его пьес были уже опубликованы на русском языке. Усиленно просил он брата прислать ему их и теперь, но получил лишь после окончания «Бориса» в 1826 г. Но и они едва ли бы емугодились.

Когда появилась первая, сопровождавшаяся огромным успехом, драма Шиллера «Разбойники», один из критиков восторженно отозвался: «Если мы когда-либо ждали немецкого Шекспира, то вот он перед нами»¹¹. Действительно, драма молодого Шиллера, которой он бросил решительный вызов поэтике классицизма, в основном соответствовала шекспировской поэтике. Но в то же время эта драма, как и вообще почти вся шиллеровская драматургия, по методу своему носила, в противоположность Шекспиру, ярко выраженный субъективный характер, что давало основание принципиальному стороннику объективного метода — Гёте, который больше, чем кто-либо другой, знал духовный склад Шиллера, усматривать особенную «родственность» его творческой «натуры» натуре Байрона («Настоящая область творчества Шиллера лежала в идеальном... Больше всего у него общего с лордом Байроном») ¹². Это делало многих любимых героев Шиллера рупором идей самого поэта. А этого-то, условно говоря, шиллеровского начала Пушкин, как раз в пору писания им своего «Бориса», решительно не одобрял в грибоедовском образе Чацкого («Что такое Чацкий? Пылкий, благородный и добрый малый, прошедший несколько времени с очень умным человеком (именно с Грибоедовым) и напитавшийся его мыслями, остротами и сатирическими замечаниями...», XIII, 138). Этого он принципиально стремился избежать в своей — шекспировской по методу — трагедии. Этим объясняется, что, оценивая, как должно, значение великого дарования и творчества Шиллера, об его пьесах (за исключением «Разбойников») Пушкин почти совсем — ни в своих произведениях, ни в письмах — не упоминает.

Напротив, настойчиво им изучаемый метод Шекспира («Вспомните Шекспира... Посмотрите Шекспира... Читайте Шекспира» — утверждает он в письме Раевскому) Пушкин, последовательно отталкиваясь им от «монотонного» метода Байрона, кладет в художественную основу основ нового реалистического строя своей трагедии. «Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном (слово это употреблено в значении: свободный, непринужденный. — Д. Б.) и простом составлении типов» — прямо скажет он об этом в проекте предисловия к трагедии (XI, 140). И столь энергичное противопоставление двух творческих методов двух гениально одаренных писателей-соотечественников не только было связано с одним из важнейших этапов творческого созревания Пушкина-художника, но и соответствовало реальным фактам. Известно, что сам Байрон, хотя и считал Шекспира «необычайнейшим писателем», знал многое из него наизусть, неоднократно цитировал в письмах и дневниках и даже поддался некоторому воздействию его метода в своем «Дон-Жуане» («удивительное шекспировское разнообразие» первых пяти песен «Дон Жуана» сразу же зорко отметил, в качестве величайшей похвалы его автору, Пушкин), не только возмущался возникшим в эту пору «обожествлением» шекспировской драматургии, но и прямо объявлял ее «наихудшим из образцов» для подражания¹³, демонстративно противопоставляя ее автору знаменитого в свое время, но, конечно, ни в каком отношении несоизмеримого с ним английского «классика»-просветителя XVIII в., блестящего мастера стиха, Александра Попа. И это не было

¹¹ Шиллер Ф. Избранные стихотворения и драмы, М. «Художественная литература», 1937, с. 604.

¹² Эккерман И. П. Разговоры с Гёте, с. 335.

¹³ Елистратов А. А. Байрон и Шекспир в сб. Philologia, памяти акад. В. М. Жирмунского, Л., изд. «Наука», с. 327.